

ЭЛИНА БЫСТРИЦКАЯ

У народной артистки РСФСР Элины Быстрицкой завидный репертуар — в Малом театре она играет главные или значительные роли в пьесах Островского, Дарювского, Чехова, Горького, Толстого, Леса Украинца, Гауфмана, Салтыко-Щедринского, Данзасова, Агасяна... Аксинья в вышкартине «Тихий Дон» — ее блестящая работа. А в фильме «Неожиданная повесть» — тоже вышкартинная графическая удача... С репертуара и начался наш разговор.

— Вы удовлетворены масштабами и диапазоном своей работы?

— Удовлетворенность актера, по-моему, равнозначна пресыщению профессией, а пресыщение противопоказано всякому художнику. Актер должен быть жадным, должен, если он в форме, много и часто играть. Когда долго не занят, то потом даже грим не сразу удается. Хорошая новая роль — это и радость открытий, и возможность поделиться с людьми тем, что накоплено в душе и сердце, и профессиональный азарт. Без этого всего хотя и в театре все хорошо, и дома нормально, все здорово, — а счастье все же неполно... А вот в кино актерская жадность подчас переходит во всеядность, что необычайно вредно.

— Когда изучишь ваш репертуар, возникает впечатление, будто вы беретесь лишь за очень хорошие роли в очень хороших пьесах, а от прочих, простите, отказываетесь...

— В театре нельзя отказываться от ролей: дисциплина. Ну, к примеру, моя роль в одном сравнительно недавнем спектакле заключалась в том, что я на мотороллере довольно лихо (30 километров в час) выезжала на авансцену, разворачивалась на «пятачке» (в первых рядах, как правило, пугались, не вылечу ли я вместе с машиной в зал) и кричала: «Удобрений!..» И все равно играть надо, раз пьеса в репертуаре. В кино отказываюсь. На встречах со зрителями меня спрашивают: «Почему вы не снимаетесь — не хотите?» Хочу, очень хочу! Но хочу получить хороший драматургический материал, хочу познания нового для себя характера и всего того, что связано с настоящей ролью.

— Еще одно впечатление зрителя. Ваши героини — разные, но все так или иначе сильные, целеустремленные, что называется, с характером. Такой вы представляетесь и вне сцены, в жизни. Скажите откровенно, это так? Какой у вас характер?

— (С улыбкой). Философы утверждают, что процесс самопознания — едва ли не самый сложный в жизни человека. А при актерской эмоциональности он, честно говоря, порой превращается в самоедство... И потом, если до конца познать самое себя, как тогда быть «всю оставшуюся жизнь»? Какой у меня характер? Мне в жизни досталось много барьеров. Судите сами: война, девчонкой — в военном госпитале, очень трудное вхождение в профессию. Отсюда и характер.

— Расшифруйте, пожалуйста, «очень трудное вхождение в профессию».

— В нашей семье считалось само собой разумеющимся, что я пойду по стопам отца. Отец — военный врач, че-

ликом посвятивший себя своему делу. В выходные он, бывало, брал очередной медицинский фолиант, и нам, домашним, уже не удавалось с ним пообщаться. Я честно пыталась пойти по его стопам. В военном госпитале делала все, что поручали. Театром увлеклась уже после Победы. Все было достаточно традиционно: хореографическое отделение музыкальной школы, первые выступления в массовке местного театра (жили мы в Нежине, на Украине), потом небольшое «соло»... Спектакль назывался «Маруся Богуславка», и я танцевала восточный танец. Но все это на правах любительских: учиться я поступила в фельдшерско-акушерскую школу. Проучилась год, а на втором курсе поняла: не могу без сцены. Но школу кончила, ведь без среднего образования в институт не попадешь. Зажилилась дома о театральном — целая буря! Послушалась, пошла в педагогический. А вот там через год не выдержала. В Киев, в театральный, уехала с маминим напутствием: «Можешь не возвращаться». Домашние меня как актрису признали гораздо позже, чем зрители.

«Трудное вхождение»? Первые роли на сцене и в кино зрители приняли даже слишком хорошо для начинающей актрисы. Я была довольно популярна, когда пришла в Малый театр. И здесь очень многому пришлось учиться «от нуля». Приходила с первых репетиций (а репетировала с блестящими мастерами) совершенно разбитая: столь неуклюжими были мои попытки соответствовать уровню Малого театра. Были роли, которые «поручались» лишь на 15—20-м представлении после премьеры. Я искала «равновесия» в кино, но там случались работы, о которых я теперь вспоминаю только с горечью.

— Как вы работаете над ролью? Что сопутствует поискам? Каких затрат, духовных и физических, быть может, жертв требует ваше искусство?

— Снимался «Тихий Дон». Полгода проб, а значит, невероятных переживаний. Затем нужно было поселиться и жить в донской станице, причем не в нынешней, а в той, начала века. Даже во сне не забывать, что ты — Аксинья. Лучший женский образ в мировой литературе — так я считала и, чем больше времени проходит, тем больше в этом утверждаюсь. Нужно было в этой старинной станице не репетировать и сниматься, а именно жить. Брать в мороз воду из колодезного сруба, носить ведро на коромысле, колоть дрова, мыть полы — не как-нибудь, а правильно, как казачки носят, колотят и моют... Конечно, на время съемок ушла из театра: совмещать то и другое было бы изменой — и театру, и фильму. (Вдруг с улыбкой). Вы сказали: «жертв». О манирской речи быть не могло — женщины меня поймут.

Если же говорить о технологии, то в первоначальной стадии работы над ролью главное для меня — пластика. Как движется мой персонаж, как поворачивается — отсюда и возникает внутренний ритм образа. Ощутила пластику — значит, наша. Кто-то приходит к результату через размышления, я — через пластику. А с момента выхода на сцену мне важно, чтобы за мной не только следили, но и чтобы понимали. Не обязательно понравиться, но обязательно быть понятой!

— Вы недавно читали стихи на творческом вечере поэта. Скажите, по какому принципу строите вы свой репертуар чтицы?

— Чтение стихов для меня не способ сыграть что-то не сыгранное до сих пор, а стремление выразить нечто важное, вошедшее в собственную жизнь. Я работала над программой военных произведений, назвала ее «Непрочитанные письма». Она потребовала таких эмоциональных усилий, что я, хотя и выступаю с этой программой несколько лет, но не считаю эту работу завершенной. Почему именно эта программа? Я помню, я видела собственными глазами черную обуглившуюся стель, развороченный бомбой почтовый вагон и летящие из него по ветру белые треугольнички военных писем... Помню горящий хлеб, помню, как

падали птицы на дорогу, а мы прорывались сквозь огонь в свой госпиталь на военном грузовике. Госпиталь наш был всегда неподалеку от передовой... С этой памятью пришли ко мне стихи — символическое «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», «Коммунисты, вперед!» Межирова...

— В жизни каждого человека случается то, что можно назвать его «звездным часом». У вас был такой час?

— Очень люблю песню, которую оставил нам Марк Бернес: «Все еще впереди, все еще впереди...»

— Хотелось бы узнать круг ваших художественных склонностей: любимые книги, музыку, род живописи, любимый музыкальный инструмент?

— Лермонтов, Шопен, альт, акварельные рисунки, гран-па в «Дон Кихоте»...

— Как вы относитесь к науке? К какой из наук — с особым почтением? Например, к космическим полетам?

— К космическим полетам отношусь с двойной заинтересованностью, особенно к недавно завершившемуся. Как и все, я желала успеха космической экспедиции, а как председатель президиума Федерации художественной гимнастики СССР — ее скорейшего завершения. В президиуме этой Федерации мы работаем вместе с космонавтом Юрием Романенко. Несмотря на свою занятость на космической орбите, Юрий Викторович находил возможность и время интересоваться делами художественной гимнастики. Представляете, как мы его ждали? На носу чемпионат страны, до сих пор не решен вопрос о включении художественной гимнастики в программу Олимпийских игр, а один из самых авторитетных членов президиума Федерации на три месяца «уехал в командировку»!

— Перебирая в памяти все, что вы играли и играете, вновь утверждаешься в мнении, что вы очень серьезный человек. А способны вы быть безудержно веселой, например всеело разыграть коллегу?

— Об этом бы лучше спросить моих партнеров по бильярду.

— Говорят, еще и в шахматы...

— В шахматы играю с удовольствием, но не так уверенно, как на бильярде.

Пора признаться, что у Элины Быстрицкой непросто брать интервью: время от времени, встречая взгляд прекрасных жемчужных глаз, до некоторой степени теряешь нить беседы...

— В театре выходной день — чем вы заняты?

— Утро — полтора часа гимнастики (вместо обычного часа). День — репетиция концертной программы, съемка на телевидении. Вечер — встреча со зрителями на одном из московских или подмосковных предприятий. шефский спектакль. Поздний вечер — дела Федерации художественной гимнастики. Очень поздний вечер — стирка, уборка, обед мужу на завтра. Перед сном — размышления о том, какой был прекрасный план отдыха в выходной день.

— Вы сказали: обед. Можно представить вас в президиуме федерации, но не легко представить у плиты. Что вы особенно удачно готовите — ну, допустим, жарите картошку или делаете «фирменное» жаркое?

— От жареной картошки и жаркого полнеют, поэтому все мои фирменные блюда — салаты. Знаю 113 рецептов салатов. Впрочем, как ревностная читательница «Недели» знаю и то, что это тема другой рубрики.

Э. ЦЕРКОВЕР.

Фото И. Ефимова.

